

Юбилей Нижнего Новгорода – великолепный повод поговорить о роли наших земляков в истории, подумать, кто таков нижегородец на огромном групповом портрете населения России, а также об особенностях нашего духа и своих, нижегородских (а они, конечно, есть), чертах характера.

Наш город был просто обречен на появление на свет – слишком явно бросается в глаза уникальность местоположения на слиянии Волги и Оки. Князь Юрий, или Георгий Всеволодович (по-разному сегодня приводят его летописное имя – Гюрги), не мог не оценить все географические и стратегические выгоды и проявил государственную мудрость, основав город здесь, на рубеже тогдашней Руси. Пересказывать богатую событиями историю Нижнего нет необходимости, обратим внимание на некоторые ее ключевые точки.

В самом начале нижегородцы, конечно, каких-то особенностей не имели. Нужно было пройти какой-то временной путь, обжиться на земле, пустить корни, взаимодействуя с другими народами, выработать какие-то стереотипы поведения, привычки. На мой взгляд, к середине XIV века к эпохе Дмитрия Донского мы уже можем что-то обозначить: появились город, княжество, земля, наконец – нижегородец как особое образование. Мы говорим привычные слова «Русь», «Русская земля»,

подразумеваемая некоторое единство, а коли так – и единое управление. Однако в то время единство еще не сложилось, и мало кто представляет, что тот же Дмитрий Донской вовсе не был единовластным правителем на Руси. Историки сегодня насчитывают 15 (!) независимых правителей на Руси – его современников. Страна объединялась языком, памятью об общем происхождении, родством правящих династий, торговыми связями, но... Например, Олег, великий князь Рязанский с 1350 года, никак не подчинялся Москве или Владимиру и не боялся вооруженного конфликта с Дмитрием Московским. Напомню, что войну Москвы и Рязани удалось предотвратить только великому Сергию Радонежскому. Его авторитет повлиял на Олега Рязанского сильнее военной угрозы.

Нижегородское княжество тоже было независимым государством. Правящий князь Дмитрий Константинович вовсе не был великим воином, остро реагирующим на всякое изменение окружающей действительности, могущей как-то уменьшить или ослабить его независимое положение. Подобная реакция скорее свойственна рязанскому князю Олегу, но не выдержанному нижегородскому князю. Дмитрий Константинович предпочитал мирное спокойное развитие. И когда на него давил буйный брат Борис из Городца, он находил возможность избавиться от угрозы без войны с помощью давления зятя Дмитрия московского, с помощью Сергия Радонежского. Однако это не значит, что его поведение было продиктовано слабостью характера, нежеланием думать об общерусских проблемах. Как известно, дочь князя суздальско-нижегородского Евдокия Дмитриевна была выдана замуж за Дмитрия Московского, тогда еще не Донского. На свадьбу полагается дарить подарки. Дмитрию-жениху был сделан царский подарок. По просьбе нижегородского князя Дмитрия и по поручению нижегородского епископа Дионисия монах Печерского монастыря Лаврентий написал летопись. Эта Лаврентьевская летопись, подаренная московскому князю, и сегодня справедливо считается главным и уникальным произведением, в котором дошла до нас знаменитая «Повесть временных лет». Конечно, сегодня мы знаем и об Ипатьевской летописи, и о Радзивилловской, и т. п., однако общероссийское значение нижегородского списка принципиально первостепенно.

И, конечно, стоит обратить внимание на то, кто и кому преподносит подобный дар. Нижегородский князь не претендует на главную роль на Руси и подчеркивает тем самым даром роль и значение московского князя как наследника и хранителя единства всей русской земли. Напомню, что будущий победитель в Донской битве не отличался книжностью, он был политик и воин, а его ближайший соратник Сергей Радонежский также делал дело, но не писал книги. Нижегородский же епископ Дионисий был другом Сергия и книжным человеком, любившим и развивавшим книжную ученость. Дмитрий Константинович, епископ Дионисий, монах Лаврентий как выразители нижегородского духа в своем даре подчеркивают свои надежды и печали о благополучии и единстве русской земли, свою готовность подчиняться этой идее, служить ей и передают эту главную задачу Дмитрию Московскому. Мысль видится предельно чистой и бескорыстной, поскольку нет никаких личных претензий на власть. Нижегородский подарок же поможет московскому правителю яснее понять задачи общерусские и московские. Ему указан этот путь нижегородской землей. Рядом будет всегда и его любимая жена, дочь суздальско-нижегородского князя Дуня, лаской и мягким характером облегчавшая жизнь и выполнение этой

задачи Дмитрию Донскому. Неслучайно ее причислили к лику святых раньше ее великого мужа. В этом событии, на мой взгляд, отчетливо проявилось главное нижегородское качество – забота об общерусских интересах без путаницы с личными выгодами и местными амбициями, готовность подчинить себя и свою жизнь общей, высшей идее – «жила бы страна родная, и нету других забот».

Сотни лет нижегородская земля была пограничной, и жителям приходилось отбиваться от воинственных пришельцев. Поэтому когда Русь окрепла, и в Москве был построен Московский кремль, то строитель Антонио Фрязин был направлен на созидание Нижегородского. Появилось это чудо и украшение города – Нижегородский кремль – в 1508–1511 годах. Он немногим меньше московского, очень удачно привязан к местности, в нем естественным образом сохраняется центр управления и культуры, он никогда не был взят неприятелем, однако стал грозой чужестранным воителям.

В том же XVI веке Нижний, подтверждая свое значение второго города и крепости земли русской послужил отправной точкой начала расширения страны. Именно отсюда были организованы удачные боевые походы на Казань, Астрахань и Сибирь. Казанское ханство очень долго было неудобным соседом Руси на Волге, многие годы продолжались боевые действия. Однако очень трудно было взять Казань и из-за мощных укреплений, и по причине большого расстояния. Трижды делались попытки взять Казань, и все неудачно. А ведь нижегородская земля граничила с Казанским ханством, все эти военные приготовления и войны сказывались на ней. После неудачных попыток к делу подошли обстоятельно и нешаблонно. На берегу Волги был выстроен разборный город, потом разобран на плоты, сплавлен по Волге, и в считанные дни под Казанью вырос собранный из своего рода щитов осадный город-лагерь Свияжск. Тем самым было как бы сказано: теперь не уйдем, пока не возьмем! Дух сопротивления был сломлен, Казань взята, ханство стало частью Руси. Затем последовала очередь Астрахани и Астраханского ханства. Волга вся стала русской, безопасной для торговли внутренней и мировой, стала питательной артерией для будущей Нижегородской ярмарки, место которой определилось по принципу – как можно дальше подняться по реке и успеть вернуться до ледостава.

А через четверть века настал черед Сибири и Сибирского ханства. Из Нижнего давно ходили караваны за солью по Чердынскому тракту на Пермь и богатые солью Пермские земли. Строгановы и другие богатые люди Нижнего осваивали соляные угодья (Сольвычегодск и др.). Но «пермяки – солены уши» вынуждены были оглядываться на Сибирское ханство. Урал, следовательно, был недостаточен сам по себе и не обеспечен спокойствием для работы и жизни. Нижегородские богатые люди Строгановы организовали поход Ермака. Он вышел из Нижнего в 1581 году. Итог известен – Урал и Сибирь стали русскими областями.

Россия размахнулась – Казанское ханство, Астраханское ханство, Пермские земли и Урал, Сибирское ханство резко увеличили силу и величие Руси. Громадные масштабы нового государства, его мощь пугали Европу, ляхи и католическая церковь не могли остаться спокойными. Зависть грызла души. Управленческие и династические неурядицы навлекли на Русь Смутное время. Вновь появились иностранные завоеватели на Руси – поляки. Именно они стояли за спиной афериста и самозванца Лжедмитрия I. Вохникла страшная опасность для смысла и духа, для самого существования Русской земли.

Вот тогда и проявилась отмеченная выше нижегородская особенность и готовность биться беззаветно за спасение Родины – Нижегородское ополчение 1612 года. Время – точнее и не скажешь! – Смутное, ясности «как жить» не было. От плохой жизни можно попытаться убежать, как водится, в другие страны и земли, можно пойти на поводу у очередного умника, обучающего глупых русских «правильным» иноземным порядкам, подчиниться «мудрому» внешнему управлению... В общем, похоже и на совсем близкие к нам времена, потому и описывать нет надобности. И до Нижегородского ополчения были «спасатели» Руси, только интересы у них были или польские, или свои собственные. Вспомним, что Марина Мнишек – польская претендентка на престол – в конце концов родила от казака Ивана Заруцкого «воренка», и этот казак из первого ополчения тоже претендовал на главную роль в государстве русском. Вот на таком фоне появляется и выступает со своим обращением Кузьма Минин. Торговый человек Минин говорит о необходимости спасти русский народ и свою землю, и в то же время ни у кого не возникает мысли о его претензии на власть. У него получилось стать спасителем земли русской, он получил звание думного дворянина, вот и вся награда.

Конечно, нам не обойтись без упоминания о Нижегородской ярмарке. Объединение Волги, Урала и Сибири в едином государстве, прекращение Смутного времени создало хорошие условия для спокойной торговли. В мире всегда были торжища, местные, региональные, континентальные и проч. Нижегородская ярмарка была самой большой в мире по товарообороту, следующая в Европе – Лейпцигская была в два раза меньше по сумме ценностей завозимого и по обороту товаров. «Все флаги в гости были к нам», и здесь устанавливались цены на многие мировые товары (на чай, мануфактуру, соль, рыбу, меха, хлеб, металл). Международные связи Нижнего Новгорода позволяли не только знать мировую политику, но и воздействовать на нее. Конечно, ярмарка могла влиять не только положительно, но и превратить иных в «околоярмарочных» людишек, давших повод для поговорки «нижегород – либо вор, либо пьяница, либо мот». От великого здания падает и немалая тень. Но не тень привлекала современников. И конечно, не о них писал Дюма-отец, рассказывая о своем посещении мирового торжища, описывая достойных нижегородцев в своих воспоминаниях и романах. Любовь бывшего декабриста и неоднократного предводителя губернского нижегородского дворянства И. Анненкова и француженки Полины Гебль долго будоражила души романтически настроенных читателей. В таком историческом виде сегодня подобные ярмарки невозможны, однако в свое время они были не только необходимы, но и желательны, интересны, впечатляющи.

В XVII веке Нижегородская земля во многом определила пути дальнейшего развития России. Нижегородская ярмарка, резко увеличившиеся масштабы государства, воссоединение Украины с Россией поставили задачу, говоря сегодняшним языком, выявления смысла новой России. В то время подобная задача могла проявляться только в религиозном виде. И решать ее выпало в первую очередь нижегородцам. Вокруг царя Алексея Михайловича сложился нижегородский духовный кружок. Его духовником был нижегородец Степан Вонифатьев, патриархом стал его земляк Никон, а главным оппонентом религиозного реформатора Никона стал нижегородец Аввакум. Воспитателем и по сути правителем при молодом царе Алексее был его дядя боярин Моро-

зов, имевший громадные владения на нижегородской земле и впоследствии убитый в народном восстании. А его жена боярыня Морозова, известная нам сегодня как персонаж картины Сурикова, была истовой поклонницей Аввакума. Были и другие нижегородцы участники тех событий, однако в краткой статье всех не помянешь.

Попытка религиозной и в значительной мере управленческой реформы, предпринятой Никоном, вызвала большие нестроения в государстве, расколола церковь и общество. Рубец от этой борьбы не зарос до сих пор. На нижегородской (да и не только) земле до сих пор слова «старообрядец», «старовер» и «кержак» (название от скитов последователей старой веры на реке Керженец) фактически синонимы, наша малая родина стала своего рода Меккой для людей, стоящих за традицию, таких, как протопоп Аввакум и боярыня Морозова.

Интересный штрих. Побывал я в Истре в Новом Иерусалиме, построенном Никоном как подобие Иерусалимских христовых святынь. В музее висит картина, изображающая Никона с посохом, а рядом в витрине сам этот посох. Я примерился: мне этот посох до подбородка при моем росте в 180 сантиметров, а на картине патриарх держит его на уровне пояса. Спросил музейную работницу о том, верно ли изображение. И она сказала: «Конечно, ведь Никон был ростом 207 сантиметров». Гигант! Я с интересом стал искать какие-нибудь известия о росте протопопа Аввакума. Его, как известно, сожгли, замерить нельзя. Однако, читая «Житие протопопа Аввакума», написанное им самим, мы можем узнать следующую историю.

Протопоп был неистовым ревнителем веры, скоморохи казались ему язычниками, несущими языческий разврат, он их всячески обличал и преследовал. Скоморохи однажды спустили на него двух медведей, одного из которых Аввакум убил кулаком в ухо, а с другим долго боролся, был помят, однако победил, удушив медведя. Представьте подобную фантастическую картину: руками в одном бою победить двух медведей! Видимо, протопоп был богатырем сказочным.

Особенно интересно вспомнить эту историю еще и потому, что Аввакум и Никон были земляками-соседями. Село Никона, откуда он родом, Вельдеманово всего в 12 километрах от Григорова – родного села Аввакума. Эти села практически на границе Большемурашкинского и Перевозского районов нашей области. Кстати, и вотчины боярыня Морозова в Большемурашкинском районе. Весь замес этой религиозной реформы и культурного конфликта XVII века фактически родился на небольшом кусочке нижегородской земли! Невольно представляются предки-титаны с «космическими» духонастроениями об ответственности за себя, земляков-нижегородцев, Россию и всего мира.

По ассоциации – забавная литературная история, чтобы не ограничиваться сухими фактами. Рассказал эту историю А. Мельников-Печерский в своем романе «На горах». В 1812 году была война с французами. Пленных отправили в Сергачский уезд. «Французики из Бордо» не только вели себя спесиво, но, по их мнению, русским давно пора сдать на милость императору, ведь выше Наполеона и Франции ничего нет. А тут какой-то заштатный Сергач, где из войск только небольшая инвалидная команда.

Спесивые французские речи вывели из себя капитана-исправника, который заявил, что в России будут сражаться везде и не будут сдаваться. Француз заявил, что в Сергаче и войск-то нет. На что исправник: у нас, мол, и медведи будут сражаться. «Послезавтра милости просим

ко мне на блины, медвежий баталион на смотр вам представлю». И в назначенный день через Сергач прошла с палками-ружьями на плече тысяча медведей. «Диву французы дались, домой отписали: сами-де своими глазами медвежий баталион видели». Дрожи, Европа, пока медвежья рать не добралась до тебя!

Смех смехом, но кто читал А. Мельникова-Печерского и К. Ушинского, тот знает, что на Руси «сергачами» звали поводырей ученых медведей. Мужики в Сергаче имели такой подсобный промысел: учили топтыгиных показывать разные штуки, например, как бабы белье полощут, дети горох воруют, а солдаты ружейные приемы делают. Так что фантастическая картина «баталиона» ученых медведей родилась не на пустом месте.

Обратимся к событиям более близким, память о которых наполняет гордостью сердце каждого нижегородца. Тут опираюсь на работы и рассказы историка, предметно исследовавшего тему. М.Н. Вдовин писал о подвиге нижегородцев-горьковчан в годы Великой Отечественной войны. К сожалению, в силу закрытости города и сплошной секретности многих тем, отнюдь не все знают о величайших свершениях наших земляков во время последней большой войны. В первый, самый драматический период, когда западные районы Советского Союза уже оказались под оккупацией или вынуждены были перестать давать военную продукцию, а эвакуируемые с запада на восток предприятия еще не добрались до новых мест и не приступили к работе, в это страшно тяжелое время Горький и его промышленность сыграли колоссальную роль. Как пишет английский писатель Александр Верт в своей книге «Россия в войне 1941–1945 гг.», в октябре 1941 года Гитлер дважды устраивал истерику в своей ставке, требовал разбомбить «чертову кузницу» – город Горький. Сталин лично звонил на заводы в этот тяжелый период с вопросами и поручениями, звонил начальнику инструментального цеха автозавода, звонил главному конструктору на артиллерийский завод. Этот тяжелейший трудовой штурм ощущали все в Горьком. Значение продукции автозавода трудно переоценить; знаменитые газовские полуторки составляли 70% грузового автотранспорта страны. Добавьте в список произведенного броневика, знаменитые «катюши», и станет ясно, ЧТО такое был наш автозавод во время войны! Один мой родственник 16-летним мальчишкой убежал с автозавода на фронт в 1941 году. Его задержали на фронте, под конвоем вернули на завод, и следующий раз он был отпущен за проходную повидаться с мамой через полгода!

Похожий случай описывает в своих воспоминаниях знаменитый А.И. Покрышкин. Он прилетел на наш авиазавод за самолетами, пошел на участок сборки, а там тишина. Пожилой бригадир сказал, что дал ребятам чуть отдохнуть. Летчик взорвался: идет война, а тут отдыхают, раскричался. Бригадир сказал, что сейчас позовет ребят, позвал. Начали выбираться на свет из укромных мест изможденные мальчишки-подростки. Покрышкину стало неудобно, он сказал, что пусть чуть отдохнут, однако работа уже началась. Самолетов было произведено в Горьком за время войны 18 тысяч, что от общего числа советских составляло четвертую часть.

Историки специально отмечают, что различные рода войск имели взлеты и падения в своей военной работе. Однако наиболее успешной была работа артиллерии, которая отработала всю войну без серьезных упущений. Ставкой главного конструктора артиллерийского вооруже-

ния был артиллерийский завод в Горьком, где работал главный конструктор артиллерийского вооружения В. Грабин. Его воспоминания «Тяжелое оружие победы» может прочитать каждый. Он упоминает случай, когда Сталин как Верховный главнокомандующий звонил директору Елянну с требованием помогать изо всех сил Грабину. Всего у нас артиллерийских орудий было произведено (танковых, противотанковых, дивизионных) 102 тысячи единиц. Для сравнения: вся гитлеровская Германия, что в то время означало почти всю Европу, произвела 104 тысячи единиц артиллерийских стволов. Весь остальной Советский Союз без Горького произвел 80 тысяч стволов!

В Горьком производились и танки. Знаменитый Т-34 был выпущен в количестве 35 тысяч. Следующим по числу выпущенных танков Т-34 был Нижний Тагил, он произвел 31 тысячу, а знаменитый Танкоград Челябинска сделал 30 тысяч. В самый же тяжелый период войны, когда запад страны уже отключился, а восток еще не включился, шла эвакуация и организация военного производства, Горький производил основную массу легких танков БТ – более 70%.

На выставке выпущенного в Горьком вооружения в Нижегородском кремле мы можем видеть и макет знаменитой подводной лодки, на которой воевал легендарный Маринеско. Как известно в одном походе он утопил два громадных немецко-фашистских транспорта, на которых плыли и соответственно утонули экипажи 70 гитлеровских подлодок. У нас произведено 27 подводных лодок, что составляет около 50% всех подлодок страны, ибо все остальные произвели 28!

Еще две впечатляющие цифры. Первая: почти все рации были произведены в Горьком. И вторая: всю войну 100% ленты холодного проката производилось на заводе «Красная Этна» в Горьком. А без этой ленты война явно бы затянулась на месяцы, если не на годы. Нельзя не отметить работу завода по производству боеприпасов в Дзержинске. Он сыграл гигантскую роль во время войны, особенно в начальный период! На фоне сказанного вспоминается поговорка: «Хула врага – лучшая похвала». И ругань Гитлера в адрес «чертовой кузницы» – города Горького лишней раз подчеркивает вклад наших земляков в общее дело Победы. Отнюдь не все сказано и не все рассказано.

В конце войны летчик Девятаев с десятью другими военнопленными угоняет самолет с гитлеровской базы в Пенемюнде. Самолет нес не только героев, но и массу сведений о ракетной базе и о ракетах. Резко облегчилась жизнь Британии после этого, так как стало ясно, где расположена пусковая установка Фау-2. Ее разбомбили, и ракетные атаки на Британию прекратились. Герои-беглецы передали секретные сведения о ракетах генеральному конструктору С.П. Королеву, и первая его ракета после войны напоминала Фау. Так вот, Девятаев на Пенемюнде связался с подпольной группой заключенных во главе с Кургановым, нашим земляком. И с их помощью они смогли совершить свой фантастический побег. И. Курганов похоронен на кладбище «Марьиная роща».

Отдельного разговора заслуживает и атомный проект. Саров-Арзамас-16 с его научными и технологическими достижениями обезопасил страну от ядерного нападения и помог сохранить равновесие в мире.

Конечно, говоря о юбилее, стоит особо отметить культурное значение Нижнего Новгорода и всей нижегородской земли. С ней связаны не только такие национальные жемчужины, как Лаврентьевская летопись и «Житие протопопа Аввакума», но и труды И. Кулибина, и Болдинская осень

А.С. Пушкина, и нижегородский период В. Короленко, и творения А.М. Горького, и Б.А. Мокроусова, и нарышкинское нижегородское барокко. Наш земляк Милий Балакирев основал и затем руководил «Могучей кучкой» композиторов, с которой началась принципиально новая национальная музыка. А Ступинская школа живописи в Арзамасе открыла новую страницу живописи в России. До того в основном писали на заимствованные иноземные сюжеты вроде «Последнего дня Помпеи», не находя ничего особо интересного в русской жизни. Или представляли русских героев в облике античных. Вспомните памятник Минину и Пожарскому И. Мартоса. Так вот, фигура живописца В. Перова объединяет и Ступинскую школу, и группу передвижников, а его «Тройку» невозможно перевести в античные одежды. Подобных примеров хватило бы на многие книги. Ведь в данном случае я называл только первостепенные, наиболее яркие фигуры и случаи, опуская множество других примечательных имен и событий.

«Что город, то норов», – говорит русская пословица. Каков же наш норов? Вот один штрих. Он очень домашний и очень нижегородский. Моего деда, последнего священника церкви Покрова на главной улице города Большой Покровской, расстреляли в 1937 году, в 1954-м реабилитировали, а в 2000-м причислили к лику святых Православной церкви. Все его предки с XVII века жили на нижегородской земле. Древнее трудно установить, так как наши архивы нижегородские до XVII века находятся в Москве. В 1937 году старшего сына призвали в армию, он попросился у руководства сборов попрощаться с отцом и был отпущен. Отец сказал, что его, видимо, возьмут и живьем не выпустят. Но сын не должен озлобиться, оружие в руки ему дают для защиты Родины. С этим напутствием четверо его сыновей, по возрасту попадавших в армию, прошли Великую Отечественную войну, выполнив отцовский завет. Мне кажется, что любовь к родной земле и умение не озлобиться есть один из признаков нижегородского норова.

А нижегородский дух узнается достаточно легко. Помню, ехал в Колпино под Ленинградом, и разговор соседей по электричке слышался очень родным. Стал узнавать, и оказалось все очень просто: после войны в Ленинград был специальный оргнабор, и на Ижорский и на Кировский завод набирали с нашей области. При этом люди, конечно же, сохраняли и говор, и привычки. Мне бросилось в глаза не только патриотическая струя, но и явное и даже демонстративное пренебрежение одеждой и другими материальными сторонами жизни. Подумалось: это одна из сторон нашей натуры – материальное на втором плане.

Закончить хотелось бы веселой картинкой. В Южной Корее наша российская парламентская делегация на встрече с корейской стороной по их просьбе должна была рассказать о том, кто откуда и как-то представить родные места. Дошла очередь до меня. В числе прочего «нижегородского» я упомянул, что мама Ленина уезжала из Нижнего Новгорода беременная Владимиром Ильичом. В Корее жизнь считается не от рождения, а от зачатия. Корейцы весьма возбудились и, хотя присутствовали только очень богатые люди, как позже оказалось, бурно обсуждали, кто больше любит Ленина, и сказали, что теперь будут знать его корни. Интересно, что на Востоке в отличие от Запада любят Ленина и лучше относятся к России.

Юбилей Нижнего Новгорода – это возможность подумать о себе, обсудить сильные и слабые стороны нашего мироощущения. Конечно, бросается в глаза то, что особой тяги к власти при любви к Родине у ни-

жегородцев не наблюдается. Однако и раньше, и теперь, как правило, через Нижний проходят в растущие будущие правители. Это и Жданов, и Каганович, и многие другие. Отмечены ли они нашим духом, это уже другой вопрос, но справишься здесь, значит, справишься и выше.

Когда-то И. Репин в своих воспоминаниях восторгался нижегородскими пейзажами и писал, что нижегородцы, про его мнению, «сильные люди хороших родов» и не могли селиться как-нибудь и где-нибудь. Это верно, конечно, однако главное в истории все же люди. Попытавшись выписать имена знаменитых нижегородцев, моментально убедился, что это само по себе трудная задача. Вспомнить хотя бы знаменитые семьи, например Боголюбовых – три академика, Добролюбовых – мыслители не только гуманитарные, ведь племянник Николая Александровича академик В. Стеклов был вице-президентом Академии наук СССР, Сеченовых – Крыловых – Филатовых, Дворжецких, Рукавишниковых, Блохиных, Свердловых, Ульяновых, Ляпуновых... И разве можно сказать, что эти нижегородские имена – предмет только нашей местной гордости? Н. Лобачевский – создатель неевклидовой геометрии! В. Докучаев – творец почвоведения! А радио А. Попова, а полупроводники О. Лосева, а атомные творения И. Курчатова, А. Сахарова, Ю. Харитона! А механические изобретения И. Кулибина, В. Калашникова, М. Бонч-Бруевича, В. Шухова, Р. Алексеева, И. Африкантова!

Я даже боюсь продолжать ряд потому, что после этого научного ряда придется аналогично вспоминать ряд певцов (Шалапина), философов (В. Розанова), композиторов (Б. Мокроусова), филологов (В. Даля), летчиков (Чкалова) и еще многих, многих...